

Лев Пашаян

Суд Линча

Лев Агасиевич Пашаян

Суд Линча

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7186090

Армянская революция. / Пашаян Л.А.: Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0123-0

Аннотация

Лев Агасиевич Пашаян известен по книгам «Армянское радио от Нерона и Траяна до Азнавура и Мкртчана» и «Азбука Маркса». И его новое издание, в которое вошли киносценарий, пьесы, рассказы последних лет на темы современных реалий, рассчитано на самый широкий круг читателей.

Содержание

Братья-близнецы	4
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лев Пашаян

Армянская революция

Братья-близнецы

Киносценарий

По железной дороге, проложенной в таежных лесах, мчится поезд на восток. Уже полдень, но осеннее солнце не стоит в зените, а бежит по макушкам деревьев с пожелтевшими листьями, словно играет вперегонки. То отстает от него, когда дорога поворачивается влево, то опережает, когда локомотив после протяжного гудка тянет вагоны на юг.

В вагонах тишина. Пассажиры, умаявшиеся от продолжительной качки поезда, лежат или сидят в полусонном состоянии. Кто-то смотрит в окно, кто то читает книгу или газету, а кто-то спит с храпом.

На откидном сиденье в коридоре сидит один Антонов Павел Семенович, мужчина интеллигентной внешности, лет около сорока, в спортивном трико, на коленях держит бумажку, сложенную вчетверо. Сам погружен в свои мысли. Так глубоко погружен, что даже глаз не поднял на веселую компанию, которая прошла по коридору, видимо, из вагона-ресторана. Он лишь плечо отвел в сторону, чтобы не ме-

шать им пройти, а сам то и дело вертел в руках этот лист бумаги. Наконец, когда опять воцарилась в коридоре тишина, он раскрыл бумагу и еще раз глазами пробежал по ней.

«Павел Семенович, дорогой, Пете очень плохо. Опять старается руки наложить на себя. Год назад вену вскрыл, заметили друзья, отлупили, чтобы он этого не делал. Потерял много крови, но выжил. А на этот раз распорол себе живот, как говорит, хотел харакири сделать. Сейчас лежит в тюремной больнице в очень плохом состоянии. Не знаю, выживет или нет. Недавно, в порядке исключения, руководство тюрьмы разрешило мне посетить его. Меня здесь уже все знают, декабристкой зовут. Я устроилась в конторе леспромхоза уборщицей. Не только конвоиры, но и начальство тюрьмы знает об этом. Потому и пустили на территорию лагеря. Брат твой очень хочет перед смертью повидаться с тобой. Просит и умоляет, если сможешь, приезжай.

С уважением *Лариса*».

Так писала в письме жена брата.

«Зачем ты поступаешь так, брат? – подумал про себя Павел Семенович. – Почему ты пошел по такому пути? Ведь мы с тобой были как две капли воды похожи не только внешне, но и по характеру, по поведению. Почему ты стал таким?»

И вспомнил он свое детство, когда они, два брата-близнеца, босоногие дошколята, лазили по деревянному забору яблоневого сада к яблоне. Только успели сорвать по одному яблоку, как сзади раздался голос старика Кондрата Акимовича.

– Ах вы, пострелята! Опять лезете в чужой сад?

Оба брата спрыгнули с забора, стоят рядом, плечом к плечу, прижав сорванные яблоки к груди и опустив головы, в один голос произнесли:

– Дед Кондрат, очень кушать хочется.

– Как бы сильно ни хотелось кушать, – спокойным тоном объяснил дед Кондрат, – воровать нехорошо. Подошли бы ко мне и попросили. Дед Кондрат для сирот не пожалел бы пару яблок. Неужели ваша мама не объясняла, что брать чужое без спроса – нехорошо. Мои родители всегда внушали, что лучше умереть с голода, чем воровать чужое.

Подошел дед Кондрат и погладил по головам ребят, затем спросил:

– Кто из вас Петр, кто Павел?

Мальчики опустили головы, а лица у них покраснели до ушей. Вместо ответа опустили глаза и замолчали.

– Как бог создал таких совершенно одинаковых двух лиц, похожих не только внешне, но и по характеру? – восхищался

дед Кондрат.

* * *

Вспомнил Павел Семенович, как в этот же вечер, когда по улице они шли с матерью домой, дед Кондрат остановил их, стал читать нотацию их матери о последствиях неправильного воспитания детей, их мать, Ксения Ферапонтовна, женщина тучная, модно одетая, на голове шляпа с пером, едва сдерживая злость, слушала нотацию деда Кондрата.

– Сейчас, пока они маленькие, их надо учить различать шалость от плохих поступков, – говорил дед Кондрат.

– Дед Кондрат, – прервала старика мать, – скажите, сколько яблок они взяли у вас, я сейчас вам заплачу.

Хотела она открыть ридикюль.

– Что вы, что вы, – остановил дед Кондрат, – я не о яблоках переживаю. Яблоко-то у меня в этом году большой урожай. Я о другом, о воспитании детей. Ребята-то больно хорошие. Не надо, чтобы взятие без спроса чужого вошло в привычку. Ведь это воровство, это не шалость. Надо сейчас следить за их поступками, чтобы потом не было поздно.

– Я не двуязычная, чтобы и работать, и дом содержать, и следить за этими сорванцами, – чуть не плачущим голосом стала жаловаться мать и дала подзатыльник Петру. – Вот жена брата моего мужа, Мария Васильевна, хочет одного из них усыновить. Вот возьму и отдам этого, – показывает на

Петра, – или нет, этого, – показывает на него, Павла.

Павел жалостно смотрел на мать, глаза залились слезами, схватил мать за ногу, прижался и стал рыдать.

* * *

Вспомнив все это, Павел Семенович прослезился. Он вытащил носовой платок, вытер глаза и высморкнулся.

«Да, между прочим, ты еще в школьные годы вырос совсем не таким, как я, – подумал он. – Не зря Мария Васильевна говорила: «Брат твой Петр каким-то шалопаем растет». Ты любил бегать за девчонками. Даже уроки в школе пропускал. Ты передо мной всегда хвастался, как целовался с девчонками, а я стеснялся почему-то к ним подойти, тем более о чувствах своих высказывать».

И тут перед глазами Павла Семеновича прошла эта история, история их жизни.

* * *

Вот уже начало 60-х годов XX столетия. В городском парке все аллеи заставлены щитами, показывающими достижения народного хозяйства страны. Везде портреты Никиты Сергеевича Хрущева, у входа – большой транспарант со словами: «Слава Октябрю» и крупными цифрами – «55 лет».

На скамейке недалеко от входа в парк сидит молодая симпатичная девушка Антонина, скромно одетая. Смотрит она в сторону входа. Чувствуется, что кого-то ждет. Люди заходят в парк, выходят из парка, парами, одинокие, компаниями. Она зорко наблюдает издалека. Вдруг у нее лицо расплывается в улыбке, когда в парк заходит молодой парень в сером костюме с коротко постриженными волосами. Она встает со скамейки и радостно машет ему рукой, подавая знак, что она здесь. Но парень ее не замечает. От площади у входа в парк лучами расходятся несколько аллей. Парень поворачивает на соседнюю аллею, где ждет его другая девушка, обнимаются они, целуются и в обнимку уходят в глубь парка.

– Павел? Обманщик! Такой подлости я от тебя не ожидала. – Совершенно ошарашенная Антонина закрыла руками лицо и села на скамейку. – Ведь притворялся порядочным, а я, дура, поверила. Правильно говорят, что все мужчины подлецы. Как искусно притворялся честным и любящим. Обещал век любить. Как короток оказался у него век.

Так она убивалась, вдруг сзади кто-то ласково прижал ее руки к мокрым глазам. Она резко убрала руки, повернулась и видит – стоит Павел, такой же молодой человек с коротко стриженными волосами, в таком же модном сером костюме, с широкими плечами и весьма узкими брюками.

– Ты? – удивленно спросила Антонина.

– А ты ждала другого? – так же удивленно от ее вопроса и тона спросил Павел.

– А где твоя белокурая?

– Какая белокурая?

– С которой только что ты целовался.

– Тонечка, ты, наверно, ошиблась. Только что я ни с кем не целовался. Ты обозналась. Это был, наверно, другой человек.

– Другого человека в таком модном сером французском костюме, у которого, как ты говоришь, без мыла брюки нельзя надевать, в нашем городе больше ни у кого нет. Да и лицо с такого расстояния не могла не узнать.

– Ты ошибаешься, Тонечка. Есть в нашем городе еще один человек в точно таком же костюме и с точно таким же лицом, как я. Ты, наверно, его и видела. Это мой брат-близнец.

– Брат? Ты же единственный сын у Марии Васильевны?

– Тонечка, ты меня извини, что об этом я никогда тебе не рассказывал, не было повода, да и не к чему было этот разговор затевать. Ты думаешь, меня на свет родила Мария Васильевна? Хотя я ее называю «мама» и до конца своих дней буду считать ее своей мамой, но у меня есть родная мать, которая меня и на свет родила. Я ее тоже люблю и уважаю, хотя в разговоре я ее называю по имени и отчеству – Ксения Ферапонтовна.

– Не сочиняй! Для оправдания своих поступков сейчас напридумаешь всякую небылицу. Я не позволю вешать лапшу на уши.

– Милая Тоня, о таких вещах не шутят, такие небылицы

не сочиняют. Ты что? Завтра моя настоящая мать, Ксения Ферапонтовна, в ресторане устраивает прощальный вечер по поводу проводов нас с братом в ряды Советской Армии. Ты там познакомишься и с ней, и с моим братом, и с этой белокурой, кстати, ее зовут Лариса. А по поводу второго модного серого французского костюма не сомневайся, и у брата есть такой же костюм. Весной Мария Васильевна ездила во Францию на симпозиум врачей-педиатров, там купила она эти костюмы. Так заведено с детства у нас с братом, если что-то для одного из нас покупает любая из моих матерей, приемная или родная, то берут по два экземпляра, чтобы другой брат не был обделен этой вещицей.

– Ничего себе! По две матери... Военное поколение по одному-то родителю не имеет, а тут...

– Да, по две матери, но ни одного отца. Это горькая участь военного поколения. Мой отец с братом-близнецом, с мужем Марии Васильевны, всю войну рвались на фронт, но их не брали по возрасту. В сорок пятом наконец-то их взяли. В конце войны они оба пропали без вести. Мария Васильевна и брат моего отца, мой дядя, не имели детей, а у моей матери с отцом были мы с братом, двойняшки. Мария Васильевна, не получив похоронку, до сих пор ждет и надеется, что муж вернется. Поэтому она не вышла замуж повторно. Для того чтобы чем-то утешить свое горе, она решила усыновить меня. Моя мать с радостью согласилась, как ни прискорбно.

– Матери твоей трудно было содержать вас двоих, навер-

но, поэтому она и согласилась.

– Не сказал бы. Моя родная мать всю жизнь была в торговле, всю жизнь свой хлеб жирным слоем масла намазывала. Просто она была любительницей вольной и шикарной жизни. А Мария Васильевна – простая педиатр со скромным окладом, жила весьма скромно. Это потом, когда она окончила аспирантуру, защитила диссертацию, перешла работать преподавателем в медучилище, и у нас появилась возможность намазать свой хлеб маслом, хоть не жирно, но регулярно. Так что, Тонечка, эта история моего детства, а не выдумки коварного Дон Жуана. А брата моего, его зовут Петр, ты увидишь завтра вечером в ресторане.

Они обнялись и пошли по аллее.

* * *

Вечер. В ресторане играет оркестр. Лысоватый певец не первой молодости поет «Песню первой любви». Посетители танцуют, обнявшись попарно, на площадке возле эстрады, где наиболее яркое освещение. В самом отдаленном от входа углу ресторана, за длинным банкетным столом сидят Петр с Ларисой, отдаленно от основной группы на одном конце длинного стола, а на другом конце сидит пышная Ксения Ферапонтowna, обвешанная всякими бусами и разными золотыми украшениями, в окружении трех представительных мужчин. К ним подходит носастый мужчина с пышной ше-

велоуор, кавказской внешности, кланяется, берет руку Ксении Ферапонтовны, на мгновение свой взор останавливает на многочисленных массивных перстнях, затем целует руку и, нежно похлопывая по пухленькой ручке, с кавказским акцентом говорит:

– Ксэна Ферофантовна, солнушка, да зарэза эщо два гарнитур импортни нужна. С Элэной дагаварилса я, но анна гаварит – твой сагласи нужна.

– При чем здесь Елена? – возмущенно отвечает Ксения Ферапонтовна. – Я главный товаровед или она? Смотри, как бы я свое вето не наложила на эти операции. Завтра придешь в контору, там поговорим.

– Паниатно! – еще раз целует ее руку и, помахав ручкой, с гордым видом отходит к своему столу.

Ксения Ферапонтовна, которая своим бегающим взглядом всегда успевала наблюдать, что творится на 360 градусов вокруг, первой заметила, что в ресторан вошли Мария Васильевна с Павлом, и обратилась к Петру:

– Петя, сынок, вот уже и подошли Мария Васильевна с Павлом. Проводи их сюда.

Петр встает и направляется мимо танцующих в центре зала к входу в ресторан. Там только что вошедшие Мария Васильевна, Павел и Антонина стоят и взором ищут своих в полумрачном зале. Тут подходит к ним Петр.

– О! Здравствуйте, Мария Васильевна, – говорит Петр и, высоко подняв ладонь, направляет ее в сторону Павла.

Павел тоже высоко поднимает правую руку и резко бьет по ладони Петра. Такой у них способ приветствия.

– Здравствуй, сынок, – отвечает Мария Васильевна и, обнимая Петра, целует в щеки три раза. – Мама уже здесь?

– Да, столик там, в самом углу, проходите, – показывает жестом направление и обращается к Павлу, показывая на Антонину. – Твоя девушка?

Павел улыбается и утвердительно кивает.

– Что ж ты мне ни разу не показал ее, не рассказывал о ней? – произносит Петр и протягивает руку к Антонине. – Петр.

– Антонина, – отвечает она и пожимает руку.

– Такая симпатичная подруга моего брата, а я впервые вижу.

– Зато она уже видела тебя, – вмешивается в разговор Павел, – в обнимку с Ларисой в этом сером костюме. Подумала, что ты – это я. И потому я сейчас в другом костюме, чтобы она не перепутала нас.

Оживленно разговаривая, проходят они центр зала между танцующими и подходят к столу, где сидят Ксения Ферапонтовна с приятелями и Лариса. Пока Мария Васильевна и Ксения Ферапонтовна обнимаются, и последняя начинает горько плакать, а Мария Васильевна успокаивает ее, поглаживая ее и похлопывая по спине, молодые представляют Антонину Ларисе. Те пожимают друг другу руки, и все садятся за стол.

– Не плакать надо, а радоваться, что наши дети выросли, стали мужчинами и уже в армию призываются, – успокаивает Мария Васильевна Ксению Ферапонтовну. – Армия – эта хорошая школа жизни, где юноши становятся настоящими мужчинами.

– Ты помнишь, Маша, как мы своих мужей провожали в сорок пятом? Как они запрещали нам слезы лить. «Не в последний путь провожаете, чтобы так убиваться!» – ругался тогда Семен. Оказалось, что в последний...

– Тогда была война, – вытирая чуть промокшие глаза, тихо произнесла Мария Васильевна. – А сейчас слезы ни к чему.

Мужчины, сидящие за столом, стали ухаживать за женщинами. Налили рюмки, и один из них произнес тост, бурно жестикулируя при этом. О чем он говорил, в этом шуме ресторана сидящим за другими столами и не было слышно. Издали видно было, что все обращались к Петру и Павлу и, протягивая руки с рюмками, чокались с ними.

Молодые уходят в центр зала, танцуют, а пожилые пьют, кушают и беседуют.

Вот Ксения Ферапонтовна подходит сзади к сидящим рядом братьям, прижимает их головы к своим щекам и хлюпающим голосом говорит:

– Детки мои, уже выросли, солдатиками стали. Сумела я вас на ноги поставить. Три года я, надеюсь, проживу, дождусь вас из армии.

– Мама, почему три? Ты три раза по тридцать три проживи, чтобы внуков своих успеть на ноги поставить, – произнес Петр.

Все это время, как она, обняв головы сыновей, разговаривала с ним, Антонина, сидящая рядом с Павлом, все смотрела на руки Ксении Ферапонтовны, на ее массивные перстни и золотые кольца, а больше всего удивил ее маникюр, перламутровый лак с разноцветным блеском, что в те годы было в диковинку.

Ксения Ферапонтовна, как всегда, своим боковым зрением замечала все: и ее любопытный взгляд, и крайнее удивление.

– Что, деточка, понравились тебе мои перстни? Павел у меня тихоня, даже не соизволил до сих пор свою девушку познакомить со мной. – Снимает с пальца массивный золотой перстень с красным рубином и протягивает Антонине. – На-ка, надень на палец.

Антонина отодвигает ее руку.

– Что вы, что вы, не надо! Я не на перстни смотрела, а на ногти. Такого лака я еще не видела.

– У тебя нет такого лака? Это Павел виноват: не приводил тебя ни разу ко мне домой. Я бы тебе подарила несколько пузырьков этого добра. – Обращается к Павлу: – Завтра приведешь ее к нам, пусть подберет лаки любого цвета. А теперь, – обращается к Антонине, – дай-ка сюда твой палец.

Берет она тонкий палец Антонины и надевает на него пер-

стень. Он великоват, сразу переворачивается камнем вниз.

– Какой размер твоего пальца? – спрашивает Ксения Ферапонтовна.

– Пятнадцать с половиной миллиметров, – говорит Антонина, стаскивая с пальца перстень.

– А это восемнадцать. Конечно, тебе великовато, деточка. Но ничего. Завтра придете с Пашей к нам, и будет у тебя перстень в твой размер, и будет перламутровый лак.

* * *

Вот Павел с Антониной входят в подъезд хрущевского панельного дома, где входная дверь перекошенная, без стекол на фрамугах, лестничные площадки с выбитыми кафельными плитками, с крашенных стен краска облезла, деревянные двери квартир обшарпаны.

– Какой этаж? – спрашивает Антонина.

– Третий, – отвечает Павел.

Поднимаются на третий этаж, где наряду с тремя такими же обшарпанными дверьми одна дверь была отделана весьма богато: сама дверь и наличники были обиты коричневым кожзаменителем, вместо стандартной П-образной полуржавой металлической ручки торчала шикарная хромированная Г-образная ручка с фасонным наличником для замочной скважины, посередине двери стоял выпуклый, с широким обхватом глазок, а вместо пластмассового ромбика, на

которых у соседних дверей стояли номера 49, 50 и 52, на этой двери с большими, под золото кадмированными цифрами был обозначен номер квартиры – 51.

– Не трудно тебе догадаться, где квартира Ксении Феррапонтовны? – спросил Павел.

– Почему не говоришь «квартира матери»? – вопросом на вопрос ответила Антонина и нажала на шикарную кнопку звонка квартиры 51.

– Ой, подождите, я голый, – раздался голос Петра.

– Петь, ты нам открывай, а сам беги в маленькую комнату, одевайся! – крикнул Павел.

Раздались несколько щелчков запоров и засовов, после чего были слышны шаги убегающего Петра.

Павел осторожно открыл дверь и жестом руки предложил Антонине зайти в квартиру. Антонина вошла туда и застыла на месте: возле порога лежал небольшой овальный коврик из какого-то материала, напоминающий линолеум, но с цветной окантовкой и рисунком, весь остальной пол как в прихожей, так и в комнате, что виднелась через арочный проем конструкции хрущевских домов, был покрыт толстым ворсистым ковролином. Стены в прихожей были облицованы мягким коричневым пенопленом с выпуклым рисунком в виде кирпичиков. Антонина, встав на коврик, не знала, куда дальше идти. Она пальцем осторожно пощупала стену и удивленно смотрела на Павла. Все это для нее было в диковинку.

Павел вошел, закрыл за собой дверь, затем открыл полку

встроенного в прихожей шкафа с большими зеркалами. На полке стояло множество разноцветных тапочек разных размеров. Вытащил он пару шлепанцев с меховыми помпончиками и предложил Антонине:

– На, надень!

А сам взял кожаные тапочки, быстро переобулся и пошел через арочный проем на кухню.

Антонина тоже сняла туфли, осторожно воткнула ногу в шлепанцы и на цыпочках последовала за Павлом. Прошла пару шагов к кухне, уже отсюда был виден весь интерьер проходной большой комнаты. Стены комнаты были обвешаны коврами. У одной стены стояла стенка под цвет дуба. Она еще такого вида мебели не видела, потому очень внимательно стала разглядывать. Один шкаф в этом наборе с зеркальной задней стенкой был обставлен хрусталем, другой шкаф, книжный, был набит книгами с красочными суперобложками. Ее взгляд на мгновение остановился на шикарной хрустальной люстре, затем она посмотрела на массивные настенные часы с боем, и, наконец, повернув взор в сторону окна и двери, выходящей на балкон, которых и не было видно сквозь массивные бархатные бордовые гардины, она увидела в углу чудо для себя, от которого аж вздрогнула, – большой цветной телевизор.

– Ну надо же! – ахнула она. – Такой большой экран, цветной и так четко показывает!

Она, держась по стенке, прошла на кухню, куда зашел Па-

вел. Тем временем Павел хозяйничал на кухне: открыл висящий на стене шкафчик и вынул оттуда два массивных фарфоровых бокала, поставил на стол, открыл холодильник и вынул оттуда большую тарелку с пирожными и графин с каким-то оранжевым напитком. Налил бокал и обратился к Антонине:

– У Ксении Ферапонтовны всегда в холодильнике лежат свежие пирожные. Угощайся!

– А это что такое? – показав на напиток, спросила Антонина.

– Это? Просто сок апельсиновый, любимый напиток Ксении Ферапонтовны.

– Матери! – поправила Антонина и осторожно поднесла ко рту бокал с соком.

– Ну ты скоро? – крикнул Павел Петру. – Через два часа нам с вещами явиться в военкомат, а ты даже не одет. Где мать? Что, она не придет тебя провожать?

– Почему только меня? Она придет нас провожать прямо туда, в военкомат. Ее срочно вызвали на работу, там вагоны прибыли с импортной мебелью, – кричал Петр из маленькой комнаты. – Там на подоконнике коробочка стоит. Мама сказала, это подарок для Тони. Возьми, отдай ей.

Павел взял с подоконника коробочку и открыл. Там лежали два флакончика с перламутровым лаком и маленькая зеленая ювелирная коробочка. Осторожно открыл коробочку и вынул оттуда золотой перстень с массивным красным руби-

новым камнем. Павел взял руку Антонины и надел на палец перстень.

– Теперь ты окольцованная барышня, дождешься моего возвращения из рядов Советской Армии, – произнес Павел и поцеловал Антонину.

Тут раздался звонок в дверь.

– Наверное, мать твоя пришла, – сказала Антонина и положила перстень в коробочку.

– Она не звонит, у нее свои ключи. Это, наверное, Лариса.

– Иду! – крикнул Петр и побежал открывать дверь.

Он был одет в темно-синюю новую спецовку, этикетки у которой висели, привязанные к воротнику куртки сзади и у ширинки брюк спереди.

– Это что за маскарад? – засмеялась Лариса, увидев Петра в спецовке.

– Это мать принесла со своей базы, чтобы я надевал вместо костюма. Не надевать же хороший костюм? Все равно его там выбросят. А стареньких костюмов у меня нет, мать давно их выбросила.

– Ты бы хоть ценники оторвал, – сказала Лариса и обняла Петра, стали целоваться.

Павел закрыл дверь на кухню и обнял Антонину.

* * *

И вот они в воинской части, точнее в бане. Стоят в ше-

ренгу человек тридцать, все голые. Старшина Панасенко, усатый мужчина, черноволосый, небольшого роста, фуражка чуть на боку, натянутая на глаза. Держа руки за спиной, он чинно ходит перед строем и, не глядя на лица солдат, объясняет:

– Кто хочет свою гражданскую одежду отправить домой, родным, напишите на клочке бумаги свой адрес и оставьте вместе с одеждой на лавке. Сержант Лапшин организует посылки и отправит ваши вещи по указанному адресу. А кто не хочет этого сделать, там у Лапшина стоит большая корзина, бросайте все туда. По одному подойдете к сержанту, назовете свой размер одежды и обуви, Лапшин подберет вам сапоги и одежду, покажет, как заворачивать портянки, затем зайдете в душевую, помоеетесь, наденете солдатскую форму и постройтесь здесь. Понятно?

– Понятно! Да! Разумеется! – раздались крики со всех сторон.

– По-нят-но, да-а... Что за ответ?! Впредь вы должны отвечать по уставу, по-солдатски: «Так точно!» – коротко и ясно. Понятно!

– Так точно!

– Разойтись!

Все разбежались, кто к Лапшину, кто в душ, кто стал на бумаге адрес писать и свою одежду аккуратно, чтобы не путать с другими, стал укладывать на лавке.

Вот подходит Павел к сержанту Лапшину, который рас-

ставил солдатские сапоги и одежду по размерам, и выдает.

– Сорок восьмой размер одежда, сорок первый – обувь, – говорит Павел.

Лапшин смотрит на Павла и сердито кричит:

– Я же тебе только что выдал одежду и сапоги. Ты что, уже успел сбагрить? Вот народ пошел!

Рядом стоящие новобранцы стали смеяться и объяснили Лапшину:

– Это два брата-близнеца в одно лицо. Ты давал другому брату.

– Да?! – разинул рот от удивления Лапшин и стал подбирать комплект новой одежды для Павла.

* * *

В узком и длинном коридоре казармы построены новобранцы уже в солдатской одежде в две шеренги. Рядом у двери в каптерку, напротив входной двери, стоит тумбочка, на тумбочке – телефон, возле телефона стоит дневальный.

Открывается дверь каптерки, оттуда выходит старшина Панасенко с журналом списочного состава в руке.

– Рота, равняйся, смирно! – звучит команда младшего сержанта Поцелуева. – Товарищ старшина, рота к вечерней проверке построена. Дежурный по роте младший сержант Поцелуев.

– Вольно! – тихо скомандовал старшина.

– Рота, вольно! – повторил команду младший сержант.

Старшина Панасенко, который всегда по привычке опускал голову и смотрел под ноги, подойдя к середине строя, где рядом стояли братья Антоновы, поднял глаза и посмотрел на них. Стал моргать глазами, нагнул голову чуть вперед, закрыл глаза, потряс головой, открыл глаза, опять посмотрел и обратился к младшему сержанту:

– Младший сержант Поцелуев, проводите вечернюю поверку! – отдал журнал ему, а сам зашел в каптерку.

В каптерке сержант Лапшин вытаскивал из больших мешков, в которых отправляют в стирку простыни и наволочки, и раскладывал белье по полкам.

– Вроде я сегодня не пил, а в глазах двоится, – говорил старшина, вытянул руку вперед, поднял указательный палец и стал смотреть. – Вроде и не двоится.

Сержант Лапшин засмеялся.

– Товарищ старшина, вы, наверное, смотрели на братьев Антоновых. У нас два новобранца, братья-близнецы, их невозможно различить, до того они одинаковые.

Старшина подошел к двери и стал смотреть в замочную скважину.

– Мать честная! Их под копирку сделали, что ли? – мотал головой старшина. – После принятия присяги их надо разъединить в разные роты, одного – в стрелковую роту, другого – в сводную.

...Вот солдаты сводной роты, с голубыми погонами, на пандусах у разных помещений военной базы грузят, а где и выгружают ящики, большие и маленькие, с имуществом, что хранится в складах базы.

У одного из складов четверо солдат, в их числе и Павел Антонов уже в звании ефрейтора, ловко кантуют ящики, ставят на тележку и по трапу, наброшенному от пандуса во внутрь вагона, завозят и укладывают внутри кульмана. К ним подъезжает автокар с несколькими маленькими ящичками. Водитель автокара, тоже солдат, спрашивает у Антонова:

– Паша, Антонов! Куда твой вагон?

– На Ташкент, – отвечает Павел. – Что у тебя?

– Москатель. Двенадцать мест твоих. Вот эта куча.

Один из солдат подгоняет тележку к автокару и перегружает ящики. Павел вытаскивает из кармана наряд и отмечает:

– Москатель, двенадцать мест. Осталось вооружение семь ящичков и можно опломбировать вагон.

Когда солдат снял с автокара последний ящик, обратился к водителю:

– Все, отчаливай!

– Оставшиеся ящики на Тбилиси. Где вагон на Тбилиси? – спрашивает водитель автокара.

– Кажется, у четырнадцатого склада, – отвечает Павел.

Автокар отъехал. Тут к ним подходит Петр Антонов в красных погонах.

– Привет сводникам! – говорит Петр и, как всегда, высоко поднимает правую руку.

– Привет стрелкам! – отвечает Павел и тоже, высоко поднимая руку, бьет по ладони брата.

– Что грузим? – спрашивает Петр.

– Авиатехимущество, – отвечает Павел.

– Непыльная у вас работа.

– А ты попробуй кантовать ящики, полные кульманов, – отвечает Павел. – Не пыльная, но потная.

– Зато оплачивается дополнительно.

– Символически, – заметил Павел. – Разве это деньги? В прошлом месяце я весь месяц в транспортном отделе вагоны грузил и разгружал, восемнадцать рублей получил. Купил пленку, бумаги, проявитель, закрепитель, и ничего не осталось.

– Остались фотокарточки, – улыбнулся Петр. – А ты за фотки с солдат деньги бери, вернешь свои кровные. Ты хочешь сказать, что у тебя сейчас денег нет?

– Почему нет? Я еще солдатские получаю.

– Так выручи, дай трояк. Я сегодня в списке увольняющихся на берег. Хоть пивка попью. Мать, наверно, в самом деле заболела. Уже месяц я прошу, чтобы она выслала мне хоть на карманные расходы, а она даже письмо не пишет.

– Опять нажрешься, на губу попадешь.

– На трояк особо не нажрешься, брат. Ты не бойся, как только мать вышлет деньги, я тебе верну. Да, кстати, мы твою лычку так и не обмыли. Я выпью за твое здоровье, чтобы ты вторую и третью лычку получил. Будешь сержантом, больше будешь получать.

Павел вытаскивает трояк и протягивает брату.

– Купи мне открытку. У Антонины скоро день рождения, поздравлю.

– Пять копеек...

Павел вытаскивает десять копеек.

– На тебе десять копеек, купи с маркой авиа.

* * *

Вот группа солдат с красными погонами в парадных костюмах, среди которых и Петр Антонов, идут по улице, подходят к зданию, на фасаде которого крупными буквами написано: «Дом культуры хлопкопрядильной фабрики».

Останавливаются у афишной доски и читают: «Фанфан-Тюльпан», начало в 19.15».

– Отличный фильм, – говорит один из солдат, – я на гражданке несколько раз смотрел. Пошли?

– Пойдем, катушек подцепим, – сказал другой.

– Каких еще катушек? – вмешался Петр Антонов.

– Так называют здесь молодых прядильщиц, – объяснил

солдат.

– Смотри, другое не подцепи, – съехидничал Петр и хотел уйти в сторону.

– Ты что, не пойдешь с нами? – спросил его первый солдат.

– Ребята, вы как хотите, я пошел по магазинам. Мне брат велел кое-что купить.

Ребята подошли к окошку кассы, а Антонов пошел дальше по этой улице, затем свернул на другую улицу, где находились ряд магазинов и киоски. Он подошел к газетному киоску, где на витрине красовалась яркая открытка с букетом цветов и с надписью «С днем рождения!». На мгновение он остановился, хотел купить эту открытку, но чуть поодаль увидел он второй киоск с надписью «Пиво», махнул рукой и подошел к этому киоску. Оглянулся вокруг воровским взглядом, нет ли офицеров или патрулей, занял очередь.

Хоть мужчин у киоска было мало, всего четыре человека, стоящий первым пожилой человек в плаще и в шляпе, увидев Петра, обратился к нему:

– Солдат, пивка захотел попить? Иди возьми без очереди, пока поблизости нет ваших командиров.

Петр кивком головы поблагодарил очередь и подошел к окошку, протянул три рубля. Получив кружку с пивом и сдачу, он почти бегом отошел за киоск и жадно стал пить, словно у него во рту пересохло, замучила жажда. Мужчина в

шляпе, взяв две кружки пива, тоже ушел за киоск и подошел к Петру. К тому времени Петр уже осушил свою кружку и хотел подойти, взять еще одну. Мужчина подошел к нему и протянул ему одну из кружек пива.

– На, солдат, бери!

– Спасибо, – заулыбался Петр, – у меня есть деньги. Сейчас пойду повторю. Пейте сами.

– Да бери, бери! Не стесняйся. Это я для тебя купил, самому не осилить две кружки. Сам был когда-то солдатом, знаю, что такое гарнизонный забор и жизнь за этим забором.

– Спасибо большое, – поблагодарил Петр и взял кружку.

– Ты с четырнадцатой базы? – спросил мужчина.

– Ага.

– Там же авиационная база, солдаты ходят в голубых погонах вроде.

– Да, база авиационная, солдаты учебной и сводной роты ходят в голубых погонах. Наша рота стрелковая, охраняет базу.

– Я сам когда-то был таким молодым, как ты, служил в армии, друг мой, как тебя?

– Петр.

– Так вот, Петр... Как по бабушке?

– Петр Семенович, да просто Петя.

– А меня зовут Никанор Иванович. У меня в армии был друг закадычный, очень похож на тебя. После демобилизации я его не видел. Вот тебя увидел, почему-то сразу вспом-

нил моего друга.

– Мой отец погиб на войне.

– Вот я и говорю, мой друг погиб, спасая мою жизнь. Его Семеном звали, фамилию я сейчас вспомню. – И мужчина сделал такое напряженное лицо, будто вспоминает.

– Не Антонов, случайно?

– Вот, вот! Семен Антонов. Ну как же я его могу забыть, ведь он мне жизнь спас. Зимой сорок четвертого немцы бомбили наши позиции. Как взорвался снаряд, он прижал меня к земле и своим телом накрыл меня. Когда кончилась бомбежка, я ему говорю: «Семен, отпусти меня, «мессеры» уже ушли». Смотрю, он не реагирует. А когда я вылез из-под него, вижу: он уже лежит бездыханно. Снег весь в крови. Так он меня спас, а сам погиб. Так что я его большой должник. Хоть мы его с почестью хоронили, но это просто обязанности армейских товарищей. Теперь его родного сына не могу кружкой пива угостить?

– Я рад встрече с вами, с армейским другом моего отца. Я расскажу моему брату, он тоже будет рад встретиться с вами, узнать подробности о последних днях жизни нашего отца. Брат мой следопытом был в школе, он больше знает.

– Брат твой где служит, тоже с тобой?

– Да, на базе, но он в сводной роте. Они ездят по Москве, по ближайшим городам, собирают со всех заводов и фабрик всякое имущество, что нужно авиационным частям, и грузят в вагоны, отправляют по воинским частям по всему Союзу.

Он больше знает о моем отце, чем я.

– Ты в отпуске был?

– Нет. В этом году брату дали отпуск, он ездил домой. Мне до конца службы, наверное, такого рода поощрения не сделают. У меня немного хромает дисциплина.

– Я могу помочь сыновьям моего друга, только одному. Брат твой был в отпуске, значит, тебе. Ты хочешь съездить в отпуск?

– О! Как еще хочу! Но вы не знаете командования нашей роты. Это не то, что командование сводной роты. Я однажды в увольнении пару рюмок выпил, даже пьяным не был, так меня три месяца из части не выпускали. А в отпуск отправляют только тех, кто на хорошем счету. А я этого не заслуживаю своим поведением.

– Тебе не только отпуск, даже медаль дадут «За отвагу» или «За отличную службу». Не знаю, какие там у вас существуют медали.

– Для этого надо какую-нибудь отвагу совершить или героический поступок. А из меня какой герой?

– Отец твой был настоящим героем. Он не мечтал, а совершал героические поступки. Если ты очень хочешь пойти в отпуск, я подскажу и помогу сделать это.

Петр уже выпил и вторую кружку. Вытащил из кармана копейки, взял пустые кружки и хотел направиться к киоску, чтобы взять еще пиво.

– Значит, тебе особо и не хочется побывать дома. Видимо,

любимая девушка не дождалась, замуж вышла, и у тебя нет стремления к родным местам.

– Как это нет?

– Если бы было, у тебя бы загорелись глаза от радости, замучил бы сейчас меня вопросами, как и что надо делать.

– Сейчас я возьму еще кружку и спрошу, если вы это серьезно.

– Я-то серьезно. Если и ты хочешь серьезно съездить на родину, иди сдай кружки и не бери больше пиво, приходи сюда, – сердитым тоном произнес мужчина.

Петр понес кружки, отдал в окно, посмотрел на копейки, что лежали в ладони, но не стал брать пиво, положил деньги в карман и пошел к фронтовому другу отца. Тот еще допивал свое пиво.

– Когда разговор идет о серьезных вещах, нельзя быть шалопаем. Знаешь, что отпуск – это один из видов поощрения за хорошую службу. А если ты нажрешься и в часть придешь на бровях, о каком отпуске может идти речь? – суровым тоном начал мужчина. – Ты из нашего разговора что-нибудь понял?

– Конечно, вы фронтовой друг моего отца.

– Я представился тебе, ты запомнил, как меня зовут, Петр Антонов, сын Семена?

Петр на мгновение растерялся, поднатужил память.

– Кажется, Николай Иванович.

– Молодец! Хоть не совсем так, но что-то есть. Меня зо-

вут Никанор Иванович, запомни! Теперь слушай внимательно и сделай, как велю: о нашем разговоре никому ни слова не говори, даже брату.

– Могила!

– Когда ты в следующий раз можешь получить увольнительную?

– Через неделю, если в этот раз наш старшина не станет меня обнюхивать.

– Купи мятные конфеты, отбивай запах пива и больше ничего спиртного не бери в рот. Сможешь?

– Ради отпуска могу, но как вы можете помочь? Среди нашего начальства есть знакомые?

– Нет, сынок, такие вещи по знакомству не делаются. Твой отпуск сам зарабатываешь. Я только подскажу, что надо делать, и помогу. Значит, через неделю я тебя буду ждать у себя в мастерской. На центральной улице нашего города ты был?

– Где кинотеатр на площади? Да, был.

– Там чуть дальше кинотеатра есть вывеска «Фотоателье».

– Знаю. Наши ребята туда заходили, фотографировались. Меня мой брат фотографирует.

– Вот я работаю в этом фотоателье. Зайдешь, заодно и тебя сфотографирую, пошлешь, точнее, понесешь своей любимой девушке.

К одноэтажному зданию солдатской столовой идет стрелковая рота, чеканя шаг. Старший сержант Поцелуев командует:

– Рота, стой! Справа по одному в столовую шагом марш!

И все солдаты, четко выполняя команду, заходят в столовую. За стрелками со стороны казарм идет строй сводной роты без строевого шага, вразвалочку, одеты разношерстно: кто в рабочих комбинезонах, кто в гимнастерках, у кого пилотка на голове, у кого под ремнем, многие в руках держат рукавицы и почти у всех не застегнут воротничок. Рядом шагает сержант в рабочем комбинезоне, за поясом – рукавицы. Он вытаскивает из кармана тетрадь, открывает на ходу, проверяет, кто сколько потрудился, и кричит:

– Медведев!

– Я Медведев, – отвечает из строя ефрейтор Медведев.

– Твоя бригада сегодня меньше всех потрудились. С обеда пойдете на разгрузку вагонов на склад номер тридцать. Туда подали два вагона. Остальным переодеться и на политзанятие.

Подойдя к двери столовой, сержант скомандовал:

– Рота, стой!

– Слева по одному за мной! – крикнул направляющий высокорослый солдат Силютин и побежал к двери столовой,

остальные двинулись за ним, не дожидаясь команды сержанта, и у входа в столовую создали толкотню.

– Силютин! – крикнул сержант.

Верзила Силютин, пропустив остальных, из тамбура столовой высунул голову и ответил:

– Я Силютин.

– Завтра нам троих послать в наряд в столовую. Думал, кого же послать. Вот ты подбери еще двоих, пойдете в столовую.

– Фу! – выразил свое недовольство Силютин и скрылся за дверью.

Солдаты стрелковой роты заняли места у длинных столов с пристроенными с двух сторон скамейками, стоят руки по швам и ждут команды.

Звучит команда Поцелуева:

– Садись! Приступить к приему пищи.

Солдаты открыли кастрюли; одни, взяв половник, стали разливать борщ по тарелкам, другие стали передавать эти тарелки друг другу.

А солдаты сводной роты зашли и разбежались кто куда. Кто быстрее за стол, кто к умывальникам, что у прихожей, а ефрейтор Антонов подошел к окошку раздачи и позвал брата, который отработывал наряд вне очереди.

Петр в брезентовом фартуке, без головного убора, с засученными рукавами подошел к окну.

– Паш, я тебе купил открытку, она у меня в тумбочке, –

поторопился сообщить Петр. – Вечером я занесу.

– Опять попался? – укоризненно говорил Павел.

– Вот этот стукач Поцелуев, – показывает на старшего сержанта, – обнюхал меня и доложил старшине, а я даже не был выпивши. Всего одну кружку пива выпил, и то угостил фронтовой друг нашего отца.

– Какой фронтовой друг? Откуда ты нашел такого?

– Настоящий фронтовой друг отца. Как он говорит, наш отец спас ему жизнь, а сам погиб на его глазах.

– Где? Когда? Ты спросил?

– Конечно. На фронте, где же еще? На каком фронте – не сказал, но время он сказал. Говорит, в сорок четвертом году отец прикрыл его своим телом, а сам погиб.

– Трепач он. Наш отец пошел на войну только в сорок пятом, а погиб в сорок четвертом?

Павел повернулся и пошел к столу, взял свободную миску, налил борщ и стал есть.

«Трепач какой-то. В сорок четвертом сражался с нашим отцом», – подумал он.

А Петр смотрел на брата, как он ест, и думал: «Пусть он трепач, зато мне поможет с отпуском».

* * *

Как только наступили сумерки на центральной улице города, наряду с другими уличными вывесками, загорелась и

неоновая вывеска с изображением фотоаппарата и надписью «Фотоателье». Осенний вечер, пасмурно, капает дождь. Вышедшая из фотоателье молодая пара сразу открыла зонтики. Он взял ее под руку, и побежали они к автобусной остановке.

Выпроводив последних клиентов, фотограф Никанор Иванович перевернул вывеску «Открыто» на обратную сторону «Закрыто», но двери не запер. Пошел он внутрь мастерской, сел на стул возле письменного стола, где в коробках лежали готовые фотокарточки разного формата, посмотрел на часы и подумал:

«Пора бы ему появиться. Наверное, опять провинился и не дали увольнения. Ненадежный сукин сын. Не зря ли я связался с ним? Мне казалось, что он придурок хороший, ради получения отпуска пойдет на этот шаг, иначе по службе сам никогда не сумеет добыть такого вида поощрения, как кратковременный отпуск на родину. Вроде бы подходящий тип, но...»

Открыл Никанор Иванович дверь письменного стола, выдвинул нижнюю полку и вытащил оттуда конвертик. Открыл его и вынул лежавшую там мужскую фотографию без головного убора, анфас, на паспорт. Долго смотрел на него, стуча пальцем по столу. «Волков Степан Степанович, позывные – «Зверь», самоуверенный тип, типичный придурок. Я его по голосу узнал, еще не увидев лица по его глупой фразе: «Салют честному народу!» Вспомнил Никанор Иванович этот день, когда встретился он здесь же, в мастерской, с Волко-

Было яркое осеннее утро. Солнце светило прямо в окно ателье. Никанор Иванович зашторивал окна и разговаривал с парой новобрачных не первой молодости, которые вошли в ателье фотографироваться после регистрации брака в загсе:

– Молодые люди, такое событие, как регистрация брака, надо запечатлеть так лирично, чтобы этим кадром любовались вы и ваши внуки. Солнечный свет оставляет большие тени. Для вашего кадра нужен мягкий свет.

Занавесив окна, он ставит стул к белому экрану, служащему фоном, направляет свет софит на стул.

– Теперь садитесь! Молодой человек, вы садитесь на стул чуть боком, она садится вам на колени, одной рукой обнимая вас за шею, другой – держит на уровне груди этот букет цветов. – Подает ему искусственный букет цветов.

Молодая чета выполняет его указания.

– Поплотнее, поплотнее прижимайтесь, головы поближе, – говорит Никанор Иванович, закрывая фотоаппарат и собственную голову черной тряпкой. – Теперь улыбаемся! Радостные лица и не шевелиться!

В это время открывается дверь ателье и заходит Волков Семен Семенович, здоровый мужчина лет пятидесяти, в кирзовых сапогах, в рубашке, пиджак держит за воротник на

плече, в руке вещмешок.

– Салют честному народу! – громогласно говорит он.

Молодожены поворачиваются в сторону входа в ателье.

– Стоп, стоп, стоп! – кричит Никанор Иванович. – Молодые люди, вы не отвлекайтесь, а вы, гражданин, не отвлекайте людей!

– Шеф, на паспорт можете увековечить? – так же громогласно спрашивает Волков.

– Можем, можем. Только постоит там за ширмой, не смущайте людей! – Обращается к молодоженам: – Молодые люди, а вы не смущайтесь, головы поближе, улыбки пошире, чтобы на лицах было видно счастье молодоженов.

Волков, который раздвинул ширму и заглянул на лица фотографирующихся, громко захохотал.

– Ни фига себе... молодожены.

Невеста спрыгнула с колен жениха, мгновенно покраснели ее щеки, руки задрожали. Она потянула жениха на выход.

– Леопольд, пошли! – И обратилась к Никанору Ивановичу: – Можно, мы завтра придем?

– Можно, конечно, но ваш день счастья сегодня, и дату на карточке написали бы сегодняшнюю. Из-за таких нетактичных людей... Вот что я посоветовал бы вам: походите в парке полчаса, потом зайдете.

– Вы правы, спасибо, так и сделаем.

Молодая пара вышла на улицу.

– Шибко нежные. Молодожены! – рассердился Волков. –

А как быстро вы можете делать фото на паспорт? Завтра вечером у меня поезд, хотел бы фотки взять с собой.

– Завтра после обеда зайдете, фотокарточки будут готовы. Садитесь на этот стул, наденьте пиджак. Там возле зеркала висит галстук, можете надеть и галстук.

– На фига мне галстук, я его никогда не носил, – сказал Волков, положил вещмешок на пол и надел пиджак. – Что-то мне ваш голос знакомый или так кажется? – И повернул софит в сторону фотографа, который стоял на неосвещенном месте, у фотоаппарата сзади.

– Мало ли на свете похожих голосов? – тихо произнес Никанор Иванович и постарался повернуть лампочку обратно. – Садитесь на стул!

– Постой, постой! Стул не убежит. Ты скажи, как твоя фамилия?

– Гражданин, вы пришли фотографироваться или знакомство заводить? Зачем вам моя фамилия?

– Зачем фамилия, говоришь? Да я и мечтать не мог, что встречусь с тобой, дорогой тезка фюрера. За все эти годы, что отбывал я на Колыме, все думал, кто мне поможет однажды смахнуть за кордон. Я здесь жить не могу, даже на воле, тем более реализовать мое накопление. Ты здесь наверняка резидент, связи имеются, как раз поможешь мне перебраться в любую зарубежную страну. Я не мечтаю только о Рио, как Остап Бендер. Любая страна, где меня примут, для меня и Рио, и Жанейро.

– Ну, кончил свой бред? Садись на стул! Фотографироваться будем или фантазировать?

– Я говорю серьезно, господин капитан, или какой у вас сейчас чин, не знаю. Капитан... Запомнил фамилию. Ничего, сейчас я вспомню, у меня хорошая память. Зовут-то Адольф, это хорошо помню, тогда ты хвастался, что твое имя легко запомнить, мол, тезка фюрера, помнишь?

И вспомнил Волков эпизод из прошлых лет.

* * *

Вот Никанор Иванович в форме немецкого офицера, молодой, стройный, сидит за столом, а перед ним Волков, тоже молодой в одежде советского солдата, без ремня и головного убора, с окровавленным лицом, видимо, после допроса в гестапо, сидит на стуле. Сзади его стоит немецкий автоматчик.

– Говоришь, тебе не верят, – стуча карандашом об стол, говорит капитан, – а почему должны они верить? У тебя на лбу не написано, что ты не советский разведчик.

– Ведь я сам сдался добровольно, не шастался по вашим тылам, а рискуя жизнью, перебежал линию фронта. Меня и свои могли застрелить.

Это было так.

Ночь. В окопе сидят советские солдаты, среди них и солдат Волков. Курят. Вдруг Волков встает во весь рост. Командир взвода ругает его:

– Волков, садись! Там шальные пули летят, заденут, не рад будешь. Слышишь?

Волков делает вид, что слышит голоса.

– Что ты там слышишь?

– Наши разведчики час назад поползли к линии фронта. Кажется, это они кричат, помощь просят. Видимо, языка тащат, а сами, небось, раненые. Я поползу на подмогу.

И вылез Волков из окопа, стал ползти к линии фронта.

– Ну, лихой парень, – произнес солдат-однопольчанин.

– Смотри, не заблудись! – крикнул командир взвода. – Далеко не ползи!

Ползет Волков по-пластунски, приближается к немецким окопам. Белый платок привязал к палке, держит над головой и кричит:

– Фриц! Не стреляй! Я парламентар, не стреляй!

Тут он не заметил, как с двух сторон на него из темноты прыгнули два немца и скрутили руки за спину.

Теперь Волков сидит с окровавленным лицом и жалуется немецкому офицеру на жестокое обращение с ним:

– Спрашивается, зачем бить? Если бы я был разведчиком, разве так бы перебежал к вам? Меня бы высадили в тыл с отличными документами. Я ведь все сказал, о чем знал, других сведений я не знаю. Я солдат, рядовой солдат, знаю только то, что вижу или слышу в окопах.

– Ты предатель, – старался объяснить капитан. – Даже если не шпион, ты предатель. Раз предал своих, почему немецкое командование будет надеяться, что ты им будешь служить верой и правдой?

– Я не предатель, я классовый противник советской власти.

– Ты что, из княжеской семьи? Родители были промышленниками или банкирами? С чего вдруг стал противником этой власти?

– Отец мой имел мельницу. Его раскулачили. Он возненавидел этот строй и, умирая, мне наказывал: навредить Советам как можно.

– Ой, какая веская причина возненавидеть советский строй! – засмеялся офицер. – Мельницу отобрали!

– Предки отца жили очень бедно. Он всю жизнь трудился, накапливал деньги, сумел у хозяина выкупить эту мельницу.

Он ее отремонтировал, сделал доходной и стал жить по-человечески: купил корову, лошадей, овец, и тут...

– Хорошо зная русский характер, я лично могу поверить твоим словам, твоему стремлению.

– Ты же русский человек, должен...

– Нет, я не русский, – прервал Волкова капитан, – я немец.

– По лицу-то можно не сомневаться в этом, а как чисто говорите по-русски.

– Это другая история, которую тебе знать незачем. Моя фамилия Бюргер, а имя запомнить очень легко, я тезка фюрера, зовут Адольф. Я инструктор в разведшколе. Пойдешь в разведшколу?

– С удовольствием, господин Бюргер.

* * *

Вспомнив этот эпизод в фотоателье Никанора Ивановича, Волков засиял, направил опять прожектор на фотографа.

– Вспомнил фамилию, господин Адольф Бюргер.

– Я говорю, вы ошиблись, моя фамилия не Бюргер, а Никитин.

– Постой, постой, чьи документы ты присвоил? Никитин... Никитин, никак Никанор?

– Да, Никитин Никанор Иванович.

– Ах ты подлюга, Никанор в разведшколе был моим лучшим другом, но у него была простая рязанская физиономия,

а у тебя, сука, натуральная бурбонская морда. – Волков стал разговаривать на повышенных тонах. – Я свое отсидел на Колыме, вышел теперь чистеньким, а ты, подлюга, с чужими документами живешь процветаешь, а своим признаться не хочешь? Я тебя выведу на чистую воду! Как ты завладел документами Никанора? Шлепнул его? – Схватил Волков за грудки фотографа и стал дрожать от ярости. – Шлепнул его, сука?

Фотограф незаметно вынул из кармана пистолет, приставил к груди Волкова и тихо произнес:

– Убери руки! На Колыме выжил, погибнешь здесь. Убери руки!

Волков отпустил руки, замороженно смотрел на пистолет, хотел применить прием и вырвать из рук фотографа пистолет, но фотограф резко отвел руку с пистолетом вниз, и руки Волкова скрестились в воздухе. Фотограф ребром левой ладони ударил по шее Волкова. Тот на мгновение потерял равновесие и пошатнулся.

Фотограф схватил пистолет в левую руку и правой нанес сильный удар в солнечное сплетение Волкова. Тот съежился, сначала упал на край стула, стул отлетел в сторону, и он рухнул на пол.

– Значит, не ошибся, это инструктор разведшколы капитан Адольф Бюргер, – произнес Волков и, опираясь руками о пол, сделал ногами ножницы, ударил по ногам фотографа.

У того ноги пошли направо, туловище – влево, и упал он

на левый бок. В этот момент Волков успел встать на ноги и сильным ударом по левой руке фотографа выбил из рук пистолет. Затем бросил на него софит, что стоял на треногом штативе, а сам вышел за ширму, куда отлетел пистолет, поднял его и вернулся.

– Ну что, старый? Не та хватка у тебя, что была лет двадцать назад. Теперь узнал меня? Ведь я был у тебя одним из лучших учеников.

– Ты был дураком, дураком и остался, – бормотал фотограф, поднимая упавший светильник. – Нет чтобы попросить по-человечески, ты начал на испуг брать.

– А как с тобой? А то «я – не я, и хата не моя». Скажи, как ты стал Никитиным? Никанора шлепнул?

– Нет, он не вернулся с задания. Потом узнал, что он подорвался на mine при переходе линии фронта, а у своих он числился, как пропавший без вести. После войны я взял его документы.

– А сейчас кем ты здесь? Резидентом?

– Нет, обыкновенным гражданином, у меня нет связей за рубежом. Я простой фотограф, свой хлеб добываю своим трудом.

– Не верю.

– Дело твое, можешь не верить. После войны я перешел на мирные рельсы. Так жить спокойнее.

– Да? не верю! Нет, так найдешь новые связи и поможешь мне. Я сейчас поеду к себе на родину. У меня в Ростовской

области живет сестра. Больше двадцати лет я ее не видел. Побуду там, выправлю себе паспорт, а потом приеду. К тому времени ты поищешь для меня лазейку, чтобы я мог пересечь границу.

Фотограф протянул руку к пистолету.

– Верни мне его.

– Что, пушку? Нет уж, как ты признался, перешел на мирные рельсы, эта штука тебе не нужна. Вот отправишь меня в «загранкомандировку», тогда она мне не нужна, я оставлю ее тебе. А пока возьму ее себе.

* * *

Тут постучали в дверь фотоателье. Никанор Иванович встряхнул головой, словно проснулся от кошмарного сновидения, сунул фотографию Волкова в конверт и крикнул:

– Открыта дверь, заходите!

Дверь открывается, и в ателье заходит Петр Антонов. Он закрывает за собой дверь и быстро отходит в глубь ателье. Увидев Никанора Ивановича, здоровается с поклоном.

– Ты что, не в увольнении? – спрашивает фотограф.

– У нас старшина не человек, а язва сибирская, хотя хохол. В тот раз что я выпил, две кружки пива? Мало того, что дал два наряда вне очереди, так лишил меня увольнительной. Я, раз обещал придти к вам, не мог не выполнить своего обещания, ушел через жениховый лаз.

– Какой лаз?

– Жениховый. У нас многие солдаты, у кого здесь есть девушка, на ночь бегают к ним ночевать. В заборе сделали удобную дырку, после отбоя уходят на самоволку. Я рискнул уйти до отбоя, хотя это очень опасно.

– Не знаю, злиться на тебя или хвалить за то, что ты стараешься сдержать данное слово любой ценой. Но ты знаешь, что такие поступки – это головотяпство, за это ты попадешь на губу и ни о каком отпуске домой не может быть и речи. Ты можешь в течение месяца быть примерным солдатом?

– Конечно, могу.

– Вот, в течение этого месяца у тебя появится возможность совершить армейский подвиг, за что не только могут наградить отпуском домой, но и представить к государственной награде.

– Какой такой подвиг я могу совершить?

– Ликвидировать шпиона иностранной разведки.

– Да бросьте вы, Никанор Иванович, я думал вы что-то серьезное скажете. Разведчиков поймать... Что я, чекист, что ли?

– Молодец, что мыслишь весьма трезво. Вот и я долго думал, как же помочь сыну моего друга, чтобы он в самом деле совершил такой поступок, о котором бы в газетах писали. Чтобы командование части не могло отказать в такой мелочи, как кратковременный отпуск на родину. Для этого надо бы действительно поймать иностранного шпиона, но где его

взять? Вот у меня зародился такой план: есть один весьма гадкий человек, которого убить не грех. Если ты его застрелишь при попытке пролезть на территорию базы, ты станешь героем.

– Как же я застрелю живого человека?

– Хорошего человека, конечно, жалко убить, но этого гада убить – общество спасибо скажет. Он долгое время был в заключении, его недавно освободили, а он уже успел двоих избить до полусмерти.

– А я как могу его убить?

– Ты же часовой, сам бог велел тебе стрелять в людей, когда они полезут на охраняемую тобой территорию.

– А почему он полезет на территорию базы и полезет именно там, где я буду стоять?

– Вот в этом и есть моя задумка помочь тебе в совершении этого подвига. Этот гад тупой, как два паровоза вместе взятые. Как-то он заходил ко мне фотографироваться и поинтересовался, где можно приобрести пистолет. Я ему совру, что на базе, в складе вооружения, много пистолетов.

– Какие пистолеты? Там же хранятся самолетные пушки, авиационное вооружение, может быть, бомбы.

– Но ты же умный парень, соображай! Он об этом не знает и не должен добраться до этого склада. Пистолет – это повод, чтобы его заманить туда, а ты его встретишь огнем.

– А как же ни с того, ни с сего я открою огонь? Я должен кричать: «Стой, кто идет!», должен дать предупредительный

выстрел, потом стрелять в него.

– Петр, ты умный человек?

– Но я не хочу нарушать устав и попасть в тюрьму.

– У вас что, там магнитофон стоит, записывает ваши разговоры? Кто у вас свидетель, если он будет мертв? Кто скажет, что ты не кричал «стой, кто идет?», что ты не стрелял в воздух? После того как ты его застрелишь, стреляй в воздух сколько захочешь. Никто не может определить, сначала ты в воздух стрелял или в него. Главное, чтобы он был мертв и не смог рассказать, как ты поступил с ним. Я ходил тут недавно по задам вашей базы и обнаружил, что один пост, самый отдаленный, прямо в лесу стоит, поблизости нет никого и ничего.

– Да, мы его «камчаткой» называем.

– Ты можешь сделать так, что попасть именно на этот пост?

– Конечно, туда никто не хочет идти, там постоянно дуют ветры со стороны леса. А почему он пойдет именно к этому посту?

– Я ему скажу, что там в заборе есть лаз, откуда можно пробраться к складам.

– Да нет там в заборе никакого лаза!

– Петр, ты дурак? – разозлился Никанор Иванович. – Он не должен добраться до забора. Ты его подпустишь и внезапно выстрелишь в упор, потом в воздух, потом крикнешь «стой, кто идет!», потом поднимешь тревогу, потом пойдет

следствие. Чтобы все были уверены, что он целенаправленно шел с намерением проникнуть на территорию базы и попасть именно в склад вооружения, у него в кармане должно быть доказательство. Ты хорошо знаешь расположение складов? Можешь начертить план от этого места, до склада вооружения?

– Могу.

– Вот тебе бумага, вот карандаш. Начерти расположение зданий складов, автомобильных и железных дорог внутри базы и пути или проходы, по которым можно добраться от этого места, где стоит ваша вышка, что называется «камчаткой», до склада вооружения.

Петр берет бумагу и карандаш, чертит расположение складских помещений, ветвей железнодорожных линий и автомобильных дорог.

– Ты сам подумай, – продолжает убеждать Никанор Иванович, – что подумают люди в особом отделе, найдя в кармане человека план базы и намеченный путь от забора к складу вооружения? Конечно, подумают, что это иностранный разведчик. Ведь там у вас хранятся и новейшие виды вооружения.

– А если это будет не он, а я застрелю другого? – поразмыслил Петр.

– Что, у вас там шастают посторонние люди? Ведь везде написано «Стой, запретная зона».

– Только осенью грибники заходят. Они кричат: «Солдат,

не стреляй!» Но они проходят днем.

– Вот, а сейчас уже снег выпал, да еще ночью, какие грибки? Так что этот план безукоризненный. Только смотри, не промахнись. Стреляй прямо в сердце. Как упадет, сделай контрольный выстрел в голову. И ты попадешь в книгу героев вашей части.

Никанор Иванович вытащил из пакета фотографию Волкова и стал показывать Петру.

– Вот этот друг, посмотри на его лицо и запомни этого красавчика.

– Я могу взять эту фотокарточку?

– Зачем? Чтобы там, на месте сличить? – засмеялся Никанор Иванович. – Ни в коем случае! Если найдут фото подозрительного типа у тебя в кармане, тогда вместо отпуска попадешь в родные места этого друга на Колыме. Ты его никогда не видел, не знаешь о нем ничего, с ним не знаком. Понял?

– Понял.

– Возможно через неделю, может быть, и раньше, может быть, и позже, этот приятель появится. Сейчас он на югах, отмечает свое освобождение от тюрьмы. Вот мой телефон. К тебе звонить нельзя, можешь ли ты откуда-нибудь позвонить мне и спросить: «Никанор Иванович, не готова ли моя фотокарточка?»

– Я могу звонить из клуба нашей базы, там мой приятель Саша, художник, он может открыть кабинет начальника клу-

ба, там есть городской телефон.

– Никаких лишних слов. Если я скажу что фотография готова и спрошу: «Когда можешь придти забрать?» – значит, ты поймешь, что клиент приехал, и ответишь в тот день, когда ты будешь в наряде, словами: сегодня, завтра или послезавтра. Понял?

– Понял.

– Вот тебе фонарик электрический, положи в карман и не забудь взять с собой, когда пойдешь на пост. Другим фонариком я подам знак из леса. Если все в порядке, и ты готов «принимать» гостя, включенным фонариком сделаешь круговые движения, а если что-то не так, ты машешь фонарем так: верх-вниз, налево-направо. Понял?

– Понял.

* * *

И вот в казарме у солдат свободное время, кто-то подшивает воротничок, кто-то чистит пуговицы кителя щеткой, кто-то сидя на табуретке возле тумбочки, пишет письмо, а Петр Антонов, что сидел на кровати, вытаскивает из кармана электрический фонарик, включает, выключает, включенным фонарем пишет круг в воздухе и делает движение: вверх-вниз, влево-вправо. К нему подходит солдат с черными усами и с грубым грузинским акцентом обращается к Петру:

– Пэтро, у тэбэ хороши фанар, нэ дадиш сэгодня мэнэ?

У маэй Катушки дэн раждени, пайду паздыравлат.

– Ни в коем случае, – отвечает Петр. – Этот фонарь имеет совсем другое назначение, не имею права расстаться с ним ни на одну минуту.

– Ну и жадны ты пиджо! – Пробурчав несколько ругательных слов на своем языке, уходит в сторону солдат.

* * *

На двери в фотоателье Никанора Ивановича висит табличка с надписью «Закрето», а рядом – часы работы ателье, где указано: «Перерыв на обед – с 13.00 до 14.00». Люди, желающие зайти туда, смотрят с недоумением на огромные часы, что висят на фасаде кинотеатра, качая головой, уходят. Ведь время на этих часах 11.00.

Внутри ателье на повышенных тонах разговаривают Волков и Никанор Иванович.

– Я знал, что от тебя не отвяжешься, заранее подготовил все каналы для отправки тебя за кордон. А тебе еще расскажи, на какую разведку я работаю. Зачем это тебе?

– Я столько лет пахал на Колыме, спрашивается, за что? Я же был простым исполнителем, пешкой в твоей игре. Кто спланировал и организовывал все эти диверсионные работы? Я понес наказание, а ты свободно живешь и процветаешь. Справедливо это?

– Не забудь, что я враг, а ты предатель. Врага берут в

плен и должны ему сохранять жизнь согласно международной конвенции, а предателей сразу ставят к стенке. Если ты миновал этой участи, значит, ваши органы не знают того, что я знаю про тебя. Ты не блистал особым умом, так дураком и умрешь. Но умирай своей смертью где-нибудь на банановых островах, а не в подвалах Лубянки. Чувствую, что горишь желанием сдать меня органам, не соображая при этом, что, если я попаду туда, с меня будут первым делом вытягивать списки всех предателей, которые перешли на сторону врага, и перечень тех заданий, что выполняли они, и твои «подвиги» тоже. Давай, иди! Докладывай. Подсказать, где в нашем городе сидят кагэбэшники?

– Не надо. Живи, черт с тобой! Только меня с моим товаром отправляй за границу.

– С каким еще товаром?

Волков вытаскивает из кармана спичечную коробку, открывает и ставит на стол. Никанор берет коробку, опрокидывает. Оттуда на стол высыпаются золотые самородки разной формы, мелкие и крупные.

– И сколько у тебя этого добра? – спрашивает он.

– Около тринадцати кило.

– Значит, все эти годы, что ты, как выразился, пахал на Колыме, ты занимался воровством. Как же ты мог такое количество золотых самородков своровать, там же строгий контроль за этим?

– Каждая эта штука проходила через мой кишечный

тракт.

– Представляю, как ты всю жизнь в собственном дерьме копался, а теперь этот же груз будет тебя тянуть ко дну.

– К какому дну?

– Ты что, собираешься это количество золотых самородков вносить в декларацию? Как ты собираешься проносить их через таможенную?

Волков округленными глазами смотрел на Никитина.

– Я знал, что с моей биографией мне никогда заграничный паспорт не дадут, и предполагал, что ты можешь организовать мне фальшивый паспорт. Вот насчет декларации я не подумал. Может быть, есть другие пути? Ты же тезка фюрера, умный мужик, придумай что-нибудь.

– Вот почему говорю, что с таким грузом металла ты пойдешь ко дну, потому что уже подготовлены все каналы, где ты, минуя таможенников, минуя пограничников, можешь доплыть до нейтральных вод, где тебя будет ждать корабль.

– Ты что? Я плавать не умею.

– Особенно если на шею повесить металл на тринадцать кило, – засмеялся Никитин. – Я все предусмотрел, только нет там в Крыму акваланга. Еще один пенопластовый пояс я достану для поддержки дополнительного полпуда груза, а вот акваланг надо тебе самому достать, точнее не достать, а зайти в склад и взять.

– А это что такое, как ты сказал, акваланг?

– Это изобретение одного умного человека по имени Ку-

сто. – Из стола вытаскивает Никитин фотографию акваланга. – Вот такой он аппарат. Наденешь на спину и будешь свободно дышать под водой. На ноги наденешь ласты, они уже в Крыму ждут тебя, и через полчаса ты уже будешь в нейтральных водах.

– Да, я видел такой аппарат в кино. А где, говоришь, его можно достать?

– На базе, где они хранятся. База военная, охраняется кругом. У кого хранятся, он не может сам взять да вынести. Акваланг – не самородок, его не проглотишь. Это надо тебе самому пойти и взять. Теперь слушай внимательно! – Вытаскивает он чертеж, сделанный аккуратно на кусочке ватмана. – Смотри сюда! Вот эта схема расположения складов на военной базе. Вот это место, где стоит часовой. В тот день, в тот час, когда будет стоять на посту мой человек, ты подойдешь, он покажет жениховый лаз в заборе.

– Какой лаз?

– Жениховый. Так называют лаз в заборе, откуда женихи, так называют солдат, которые здесь имеют девушек, самовольно уходят ночью к ним. Ты полезешь вовнутрь забора и окажешься... смотри на чертеж! Окажешься вот здесь. Ты пройдешь к этому зданию, что обозначено красным карандашом. Можешь ориентироваться?

– Ты же знаешь, что могу. Мы же всегда ходили на задание по топографическим картам. А здесь элементарная схема, сориентируюсь.

– Пойдешь вот так, перешагнешь две железнодорожные линии, у этого склада поднимаешься на пандус. Вот на этом месте на стене висит пожарный ящик с гидрантом и рукавами. Там возьмешь ключ от дверей. Мой человек уже месяц этот ключ не таскает с собой в кармане, а кладет именно сюда. Когда возьмешь ключ...

Не успел Никитин кончить свое предложение, вдруг раздался телефонный звонок. Волков поднял трубку и опустил на место со словами:

– Давай, давай, показывай дальше! Не отвлекайся на всякую ерунду.

– До чего же ты тупой стал. Где твоя подготовка в разведшколе? Как тебя обучали? В нашем деле не бывает ерунды. Каждая ерунда – это есть важная информация для умного, а для тебя, как выяснилось, для тупого, ерунда есть ерунда. Каждый день звонит мой приятель, солдат, чтобы узнать, в какой день пропустить моего человека, то есть тебя, на территорию базы. Ты сейчас рвешься быстрее узнать все ходы и побежать туда, а там стоит другой часовой, даст тебе пулю в лоб, и прощай банановые острова. Зачем ты сделал это?

– Я не знал.

– Не бери больше трубку!

Тут повторно раздался звонок. Никитин взял телефон.

– Алло!

– Никанор Иванович, это я, узнали?

– Голос сына моего армейского друга я всегда узнаю. Мо-

гу тебя обрадовать, твои фотокарточки готовы. Когда ты сумеешь зайти за ними?

– Сегодня или через два дня.

– Лучше сегодня. В какие часы?

– Не могу точно сказать, или с двенадцати до двух, или с двух до четырех.

– Не забудь прихватить с собой фонарик.

– Фонарик всегда со мной.

– Условные знаки не забыл?

– Нет, конечно.

– Смотри не перепутай! До встречи, ну пока!

– Пока!

Никанор Иванович кладет трубку и обращается к Волкову:

– Вот тебе и ерунда! Парень на свой риск и страх беретя помочь тебе. Смотри, не подведи его! Теперь слушай сюда! Если возьмешь ключ и побежишь к двери, раздастся сирена. Тебя поймают, и парню не миновать трибунала. Взяв ключ, подойдешь сюда, где отмечено красным карандашом. Это пожарный щит. Вот с этой стороны отодвинешь немного и сунешь руку за щит. Нащупаешь тумблерный выключатель, отключишь сигнализацию, только тогда пойдешь в склад. На левой стороне полки, там стоят эти акваланги. Возьмешь один аппарат, закроешь двери, включишь сигнализацию и быстро уйдешь. Зная твою жадность, уверен, что будешь искать, что там еще ценное есть, чтобы свистнуть. Не

делай этого, понял!

– А что там есть еще ценное?

– Вот, вот! Уже любопытство заиграло. Не твое собачье дело, что там есть, и не вздумай копать! А сейчас надо подумать, как эти тринадцать кило золота плотно спрятать под свитер, чтобы не мешало надеть скафандр. И чтобы те люди, которые будут подбирать тебя, не заметили твое золото, а то я не знаю, какие они люди, позарятся на твое золото, шлепнут тебя по голове, отберут золото, а тебя обратно бросят в море. Где сейчас твое золото?

– В надежном месте.

– До двенадцати часов вечера у нас есть время. Слушай, что ты должен делать: сейчас поедешь в Москву, купишь билет на поезд Москва – Ялта...

– Может быть, на самолет? – прервал Волков.

– Ну до чего же ты тупой стал! До сих пор ты летал в самолете, сдавая свое золото в багаж, а теперь оно будет при тебе, на твоём теле. Как ты пройдешь через металлоискатель? Берешь билет только на поезд и сядешь в него уже зачехленный. Купишь сегодня толстый большой свитер. Под свитер наденешь рубашку с металлом. Ты можешь достать бронжилет?

– А где его достать?

– Я так и предполагал, что ты ничего не можешь достать. Я уже заказал, мне его привезут, но чуть попозже, после двенадцати ночи. Мы с тобой успеем за ночь вытащить из брон-

нежилета стальные пластины и туда насыпать твой металлолом. Затем надо все это так строгануть, чтобы твои самородки не собирались в одну кучу, и ты в этом жилете не был похож на конька-горбунка.

– А что будет дальше?

– Дальше я поеду с тобой до Ялты, там объясню ход дальнейших действий. Сейчас поезжай в Москву, купи билет на Ялту на завтра, свитер толстый купи и забери свое золото из надежного места. В мастерскую, сюда, зайдешь после десяти часов вечера. В десять ровно я приду сюда.

– Значит, мне взять два билета на Ялту?

– Волков, ты что такие тупые вопросы задаешь, словно не обучался в разведшколе? Я полечу на самолете. До твоего приезда узнаю обстановку. На железнодорожном вокзале в Симферополе, если меня увидишь на перроне, не вздумай подойти ко мне. Мы с тобой при посторонних не знакомы. К тебе подойдет мальчик и ответит, куда надо. Понял?

– Понял.

– Ну давай, поезжай в Москву! Нет, нет, кстати, раздевайся и садись, я тебя сфотографирую на заграничный паспорт. Фамилия в паспорте будет другая, но фото должно быть твое. В Ялте получишь другой паспорт.

Волков стал раздеваться, а Никанор Иванович включил свет и стал готовить фотоаппарат.

Ночь. Светит луна, от нее света больше, чем от тусклых лампочек, висящих на высоком деревянном заборе вокруг базы, едва освещающих полосу между забором и ограждением из колючей проволоки, что стоит в трех метрах от забора. Между забором и ограждением протоптана на свежесвыпавшем снегу дорожка, по которой идут пятеро солдат, впереди – разводящий в погонах младшего сержанта, за ним четверо часовых. Вторым за разводящим идет Петр Антонов, молча, не разговаривает, остальные солдаты яростно спорят:

– В Токио у нас только три боксера стали чемпионами: Попенченко, Поздняк и этот, как его... Степашкин. Кто четвертый, по-твоему? – доказывал небольшого роста солдат, идущий последним в строю.

– Енгибарян, – произнес солдат, идущий за Антоновым.

– Вась, ты в этом деле знаток, как я канатоходец. Енгибарян был чемпионом в Мельбурне. А в Риме у нас чемпионов было и того меньше, только Григорьев сумел завоевать золотые медали.

К этому времени они уже подошли к сторожевой вышке.

– Замирайло! Ты жив? – крикнул разводящий.

– Жив, здоров и невредим, как мальчик Петя Бородин! – крикнул часовой и стал спускаться в тулупе.

– Тулуп оставь там! – крикнул Петр Антонов и подошел

к ступенькам лестницы вышки.

Спускающийся Замирайло снял тулуп и отдал Петру со словами:

– Пост сдал!

– Салага! – крикнул Петр, – надо сказать, как положено по уставу: «Рядовой Замирайло пост сдал!»

– Ладно, если не забуду, в следующий раз так и скажу.

– Все в порядке? – спросил разводящий.

– Какой-то чужак в лесу фонариком с двенадцати часов все мне азбуку Морзе диктовал минут пятнадцать.

– А ты дуб дубом в этой азбуке, ничего не понял, – съязвил идущий сзади солдат небольшого роста.

Антонов стал подниматься на вышку, а часовые с разводящим пошли дальше к последнему посту, который находился за углом налево и подходил почти к казармам автобата. Как только наряд завернул за угол, Антонов вытащил фонарик, включил, направил в сторону леса и стал мигать, как заметил часовой Замирайло, под азбуку Морзе, хотя и он эту азбуку не знал. Вскоре из леса последовало такое же мигание фонариком. Заметив это, Антонов стал махать по обусловленному знаку: верх-вниз, налево-направо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.